18+

Виктория Прессман

Правда о маяках

Книга пилигрима

Виктория Прессман

Правда о маяках. Книга пилигрима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49603650
ISBN 9785449801067

Аннотация

Правда о маяках – биография пилигрима, ода дороге. Это духовный путь человека своего поколения, сформировавшегося в интеллектуальной московской среде 90-х и 2000-х, родившегося и выросшего на балтийском взморье. Человека, который не побоялся исколесить полмира в поисках себя, в поисках духовной и интеллектуальной свободы, 90-е соединились на карте жизни героя с жизнью в дороге. Пришлось пройти 1000 км древних дорог пешком, чтобы душа отца обрела покой.В дороге вы недалеко от Царствия Божия.

Содержание

Звезда, не знающая заката 5
Путешествие из Таллина в Москву и обратно 5
Барон 12
Маяк 16
Дом. Детство 18
Жизнь после смерти 28
Очарование вещей 34
Жизнь в квартале маяков 39
Первый этаж 45
Nova Vita 60
Вторая альбионская вахта 64
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Правда о маяках
Книга пилигрима

Виктория Прессман

© Виктория Прессман, 2020

ISBN 978-5-4498-0106-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Психопомп (в переводе с греческого ψυχοπομπός – проводник душ) – это существо, миссия которого доставлять души на «тот свет». Подразделяются на собственно психопомпов, задача которых – доставлять или провожать покойных к их новому месту жительства, и привратников, которые стоят на месте и пропускают прибывающих.

Википедия

Звезда, не знающая заката

Путешествие из Таллина в Москву и обратно

Жизнь человека, дитя мое, есть скорбь,
ибо она проходит в изгнании.

Иосиф Исихаст

…ибо не имеем здесь постоянного града,
но ищем будущего.

Послание к Евреям 13:14

Глубокой ночью попутка везла меня из Таллина в Москву. Машина ехала сквозь туман, и вдруг из темноты высветилось название городка Vastse Kuuste, ничем не примечательного места, кроме, пожалуй, того позабытого факта, что здесь много лет назад родился барон Отто фон Унгерн Штернберг. Барон принадлежал к древнему воинственному роду, ведущему свое начало от Атиллы. Среди известных представителей рода были пираты, храбрые воины, рыцари тамплиеры, – всех их объединяла склонность к увлечению мистикой и ок-

культизмом. Поговаривают, что некоторым удалось достичь бессмертия.

В силу плохой видимости маленький Рено подпрыгивал на всех ухабах, как почтовая карета вековой давности, заснуть не представлялось возможным. На темной трассе машины разбивались за нашей спиной, а мы как ни в чем ни бывало продолжали свой путь сквозь ночь – омофор неба стелился невидимой росой затянувшейся ноябрьской оттепели. Мой любимый месяц пустынников и умирания закрывал бутон, упокаивал мертвых. Засыпала земля, запоздалые птицы летели как бы нехотя на юг, а те, что остались, пели по-весеннему весело и игриво. В закрытии и засыпании заключена потенциальная сила высвобождения. Когда-нибудь все уравновесится, придет в баланс – вертикаль и горизонталь пересекутся в точке сердца, вражды больше не будет. Прошлое, настоящее и будущее соберутся в одном моменте, вернутся в точку покоя направления света, нагонит весна осень, а лето зиму, и исполнятся все мои заветные желания: у меня будет свой дом в цветущих, несущихся под небом полях.

В ганзейском Таллине, в Ревеле когда-то началась моя жизнь, и у нас когда-то был дом. Всегда надо искать сердце града, его сакральный центр, тогда более внешние, плотные измерения сами собой дотягиваются, достраиваются до полной картины, и город предстает такой родной, такой понятный и любимый – как на ладони. Сердцевина града Таани-

линн – Тоомпеа. Здесь по преданию похоронен Калев, и его жена Линда носила камни, чтобы соорудить холм над могилой любимого мужа. Так появился Вышгород – место высокое. Домский собор Девы Марии и Парламент Эстонии соответственно являются духовным и политическим центрами сердца датского града. На длинном Германе развевается флаг, триколор – земля, море, воздух. Львы и дубы красуются на обложках эстонских паспортов. Когда-то Домберг был столицей эстляндского герцогства, местом обитания тогдашней военной и духовной элиты, и поэтому на ночь ворота, ведущие на Вышгород, закрывались. В нижней же части города неуемно шумел ремесленный, купеческий, ганзейский люд. Корабли заходили в порт, в Таллине наблюдалось смешение языков, толчея и гомон царили в нижнем городе, торгаши и ремесленники со всех концов земли ступали на землю датского града и привносили в общий орнамент невидимой карты места что-то свое, неповторимое, уникальное.

Тихий, таинственный Таллин, в котором я родилась, его уже почти больше не осталось. Евросоюз и эпоха коммерции и потребительства вытеснили с карты мира сказочный уютный чистый и тихий город, который был намного более эстонским в составе Советского Союза, чем в составе ЕС. Отголоски той камерной самобытной Эстонии можно почувствовать отчасти в Хаапсалу или в Раквере, в эстонской провинции. Когда я была маленькая, папа любил гулять со мной по тихим таинственным улицам Вышгорода, расска-

зывать легенды средневекового города – вот дом пирата, где когда-то жил потомок злодея с острова Даго, вот мой любимый дворик с ржавыми пушками, где, по словам отца, «жила снежная королева».

Что люди ищут в средневековом портовом Ревеле? Что радует глаз заезжих туристов? Графика крыш на фоне молочного заката, густого от запахов корицы, кофе и моря, караваны заморских торговцев, большие корабли, яркие краски северного неба. Быть может, кто-то из них видит дубы-колдуны, камни доледникового периода, колодцы ведьм, подушки Калеви Поега… Или публичные дома, казино, кабаки, которых просто не счесть. Что видят здесь эти зеваки туристы, вечные дети закатившейся старушки Европы – падение нравов или традиционность, иногда граничащую с ханжеством, равнодушием, провинциальностью? Какие корни открываются им в Ревеле – датские, русские, немецкие, шведские, угро-финские? Безусловно, есть в Таллине свой шарм, своя изюминка – нежный густой воздух, сотканный из песка, пряностей, моря, сосен… Все как будто парит в воздухе, и дует свежий ветер и надувает паруса, ловит птиц и чьи-то мысли.

Парит мой ум, а машина продолжает ехать из Таллина в Москву…

Я всегда приезжаю или временно возвращаюсь в Москву, когда в мегаполисе происходят эпохальные события: смена политического режима, передел собственности, ураган, я яв-

ляюсь свидетелем появления новых колец и диаметров – третьего, МЦК, МЦД…

Я вижу, как сносят памятники архитектуры, улицы закатывают светлым однотипным бездушным плитняком, рубят деревья – делают новые развязки, расширяют проспекты. Появляются доселе неведомые станции и ветки метро… Старые все так же вызывают восторг у приезжих и туристов из-за рубежа, наконец-то для них стали появляться указатели на латинице. Благоустраиваются парки, в городе замаячили одинокие велосипедисты, а на набережных и в парках их просто не счесть… В общем-то, иногда начинает казаться, что Москва – это город для людей, но это не так. Со временем видишь и чувствуешь агрессию, равнодушие, политкорректность, жестокость и пробивную силу москвичей. Говорят, Москва слезам не верит…

В этот раз я приехала в столицу, когда нагрянула градостроительная реформа под названием «снос пятиэтажек», проект реновации… Их уже начали сносить… Моя пятиэтажка пока не в очереди на снос, но жильцы торопят события, некоторые ютятся впятером в однокомнатных квартирах, мечтают о новом доме с улучшенной планировкой и парковочным местом, об увеличении метража, об отсутствии сырости и газовой колонки, о новых трубах и батареях… о новом виде из окна… Вместо хрущевок вырастают хаотично раскиданные, не создающие общего ансамбля новостройки разных цветов и этажности. А в городе начи-

нают появляться полые призраки с черными глазами – выселенные дома… Запах застарелых нечистот, низкого качества жизни, запах нищеты, агрессии, неумытости, безнадеги. Были наверняка такие жильцы, которые не хотели покидать свою старую нору, свой подъезд, свой двор – они бились насмерть, стояли до конца, пока сотрудники правоохранительных органов не применили силу… Дома пусты, глазницы темны, рядом котлованы, из которых скоро как грибы под дождем вырастут новые дома… Глазницы темны, запах остался. Запах – это часть души. В этих домах-призраках остались части человеческих душ. А потом их снесут. Совсем. И постепенно исчезнут запахи. Вырастет новый большой дом с нейтральными запахами строительных материалов – краски, глины, линолеума, дерева. У кого-то начнется новая жизнь, а у кого-то она так и останется в прошлом – в воспоминаниях, в мечтах, в надеждах, в упованиях. А вообще, каждый новый переезд – это новое освобождение. Или новое рождение. Избавление от лишнего, ненужного, тяжелого, второстепенного, скидывание балласта.

Мне было двенадцать лет, когда мы покинули с папой, бабушкой и мачехой любимый Таллин. Для меня это стало настоящей трагедией. Я обожала родную Балтику, не представляла себе, как можно жить без моря, без сосен, без свежего ветра, я так и не полюбила Москву до конца, хотя поняла и изведала ее. Я переросла из человека провинциального Таллина в человека имперского третьего Рима. Москва, как

тут ни крути – мировая культурная столица, создала фундамент моего образования и расширила диапазон восприятия. Еще, пожалуй, диапазоны моего восприятия донельзя расширило ЛСД, но об этом, право же, не стоит.

С переездом в Москву и отрывом от родной земли для меня началась эпоха изгнания. Вне всяких сомнений, она началась еще с изгнания из Рая. Да и чем мы лучше праотца Авраама, который был скиталец и пришелец на этой земле, и где наш дом – Ойкумена, земля обетованная?

Как же долго умирает эпоха, рушатся дома, порастают быльем тропы, все покрывается новым временным слоем. Старое становится все более уродливым, новое – все более чужим. Мир движется к неминуемому концу, начиная медленно возвращаться к началу.

Барон

На нашем родовом гербе по материнской линии изображены дуб (любимое дерево друидов) и три драконьих зуба. По преданию самые первые представители рода Бакуниных были из Трансильвании, и там один из моих храбрых прапрапрадедов убил дракона, мучавшего жителей города на протяжении многих десятилетий. Поэтому на нашем гербе драконьи зубы… На родовом гербе рода Унгерн Штернбергов изображены лилии, шестиконечные звезды, девиз рода «Звезда их не знает заката». А мой личный девиз – «Служи и властвуй».

«И что вам до этого Штернберга», – спросите вы?

Попробую вам рассказать, все довольно просто: я нашла родственную душу в бушующем океане человеческих судеб… Барона Отто Фон Унгерн Штернберга… Моя уязвимость и гиперчувствительность в отношениях с людьми делают жизнь довольно сложной. Так хочется, чтоб все пело в унисон. Всегда. И поэтому проще прикинуться дурачком, быть отшельником, это дает шанс сохранять внутреннюю свободу, быть собой, взаимодействовать с пространством и невидимыми потоками энергий и временных рек, радоваться первозданной красоте природы, черпать силу, чтобы восхищаться, удивляться и благодарить. И как барона Унгерн Штернберга с острова Даго меня намного больше «пле-

няет роль затаенного существа…», когда «не надо кривляться, сочинять себя, позировать…», и можно любить свободу и дорожить тайной.

Когда-то самодержец пустыни острова Даго, пират и бунтарь, блестящий аристократ был сослан в Сибирь за то, что манипулировал с маяками острова, тем самым сбивая корабли с курса, в результате чего они разбивались, а барон пополнял казну… Вполне возможно, что это всего лишь легенда, а в Сибирь Отто сослали за прямой, строптивый нрав и свободу от условностей общества, к которому он принадлежал, но сбежал, выбрав добровольное изгнание ради сохранения внутренней свободы и мобилизации сокрытых сил души.

Вот что нам известно о бароне из его биографии. «Он родился в 1744 году в Лифляндии, после окончания Лейпцигского университета оказался в Варшаве, при дворе польского короля Станислава Понятовского дослужился до камергера, затем переехал в Петербург, а в 1781 году купил у своего университетского товарища, графа Карла Магнуса Штенбока, имение Гогенхельм на острове Даго и прожил здесь до 1802 года, когда был судим и сослан в Тобольск. Там, спустя десять лет, он и умер». Или почти что умер.

Есть и другая версия о перестановке маяков. На острове Даго барон «начал выказывать необычайную страсть к науке. Чтобы ничто не отвлекало его от занятий, он пристроил к замку высокую башню, которую называл «библиотекой». На самой ее вершине находился его кабинет – «застек-

ленный со всех сторон фонарь-бельведер». Только по ночам и только в этом уединенном месте барон «обретал покой, располагающий к размышлениям». В темноте стеклянный бельведер светился так ярко, что издали казался маяком и «вводил в заблуждение капитанов иностранных кораблей, нетвердо помнящих очертания грозных берегов Финского залива». Эта «зловещая башня, возведенная на скале посреди страшного моря, казалась неопытным судоводителям путеводной звездой», и «несчастные встречали смерть там, где надеялись найти защиту от бури. Спасшихся моряков убивали, уцелевший груз становился добычей барона. Это продолжалось до тех пор, пока «негодяя» не выдал гувернер, случайно ставший свидетелем одного из таких убийств. Барона-разбойника судили в Ревеле и сослали на вечное поселение в Сибирь.» Так что, пока барон читал или размышлял в своем стеклянном фонаре-бельведере, корабли разбивались, но это навряд ли выводило барона из состояния внутреннего равновесия, и не мешало ему продолжать думать и погружаться в тайны и глубины мироздания.

На самом деле дурная слава закрепилась за островом Хиумаа, Даго, за много веков до того, как там поселился барон. Остров этот, открытый всем ветрам, с изрезанной береговой линией, всегда был пристанищем пиратов Балтийского моря. Он стоял на главных морских путях Ганзы, и капитаны кораблей, курсировавших через архипелаг, обратились к государю с просьбой о постройке маяка, что и было пред-

принято еще в XVI веке. Так появился Дагерорт.

Маяк

Самый старый маяк в Северной Европе немного странной формы трапеции-пирамиды, и он до сих пор исправно работает, абсолютно самодостаточен и перманентно служит. То, как он размеренно и неизбежно светит новой французской линзой в темноту, напоминает акт любви и вводит в состояние оцепенения и транса…

В XVIII веке барон взял на себя все расходы на содержание Дагерорта, что было делом дорогостоящим, особенно для такого большого тридцатипятиметрового маяка. Хотя бы представьте на секунду, сколько дров нужно было покупать для поддержания постоянного огня – источника света.

Кроме того, Отто восстановил несколько церквей на острове, реставрировал старую мыйзу, усадьбу – она и сейчас в прекрасном состоянии.

Мне импонирует это изысканное сочетание баронства и изгнанничества, умение сохранять достоинство, спокойствие, стать и выдержку, опрятность, собранность во всех ситуациях и обстоятельствах. Это дар удерживать ясность ума, несмотря ни на что, и позволять себе открытость, не будучи при этом слишком уязвимым. Обладать высоким вкусом и безошибочным чутьем на людей, города и вещи… Барон фон Унгерн безусловно гений места, его судьба нераз-

рывно связана с историей острова Даго, теперь Хииумаа и с его маяком.

Думаю, что Отто фон Унгерн, в силу человеческого опыта и образования, мог позволить себе маленькие шалости, этакую свободу, фривольность в обращении с людьми разных классов, что располагало к нему жителей острова, которые и боялись, и любили его одновременно. На бароне был еле заметный налет простоты, граничащей с обаянием – природным, животным, магнетическим.

Странно, этот немного инфернальный персонаж, герой, окутанный мрачными легендами, привлек меня сразу своей неприкаянностью, бунтарством и внутренней свободой, а еще пожалуй что честностью. Он, безусловно, был не такой как все. И мне почему-то кажется, что мы с ним похожи…

Вот что говорит о бароне Адольф де Кюстин в своих письмах из России: «Не веря ни во что и менее всего – в справедливость, барон полагал нравственный и общественный хаос единственным состоянием, достойным земного бытия человека, в гражданских же и политических добродетелях видел вредные химеры, противоречащие природе, но бессильные ее укротить. Верша судьбами себе подобных, он намеревался, по его собственным словам, прийти на помощь Провидению, распоряжающемуся жизнью и смертью людей».

И да, мне надо будет поехать к нему, к маяку, в пустыню острова, чтобы продолжить наш начатый внутренний разговор…

Дом. Детство

Мое детство прошло в деревянном доме на берегу Балтийского моря. В том доме были печка, камин, любимая бабушка Буся, большой сад, и было видно звезды, и у нас была собака боксер. А мама умерла, когда я была маленькая… Она хотела, чтобы я занималась музыкой, поэтому на веранде стоял рояль Дидерихс с канделябрами.

Дом. Наша простая эстонская советская дача, которую мы с папой строили своими руками, находилась на дальней оконечности полуострова Какумяэ, в дикой его части, почти на самом берегу моря. Пляжи в той части полуострова каменистые, позади к нашей даче подступал вплотную темный лес, и в гости иногда заходили лоси…

Дни наши на даче проходили беззаботно. Мы путешествовали на полуостров Раннамыйза, который был ровно напротив нашего, на другой стороне залива, так что по отмели можно было дойти до него по воде; втихаря от бабушек мы гоняли на великах до Таллина; вставали в 5 утра, чтобы встретить восход солнца на заброшенном пляже. Мы будили друг друга стуком в форточку: Соня вылезала прямо через форточку, Оля выходила тихонько через веранду, а я сбегала через окошко предбанника… Никто и не знал о нашем исчезновении, мы возвращались до того, как бабушки просыпались. Я занималась восточными единоборствами, игра-

ла об стену в большой теннис, помогала бабушке по саду, ходила за грибами и ягодами. Все время в трусах, босиком, на дребезжащем велосипеде моей старшей сестры – настоящий индеец…

Днем мы угоняли лодку Аниного папы, рыбака, и на лодке выплывали на середину залива, дрейфовали, купались, загорали. Мы залезали на самые высокие сосны и так высоко, что нас качало, и птицы летали вокруг. Мы выживали как Робинзоны Крузо: строили шалаши, делали бумагу из водорослей, питались кореньями и травами, знали виды птиц и даже названия мха на латыни, не боялись змей. Все тропки и просеки Какумяэ были нанесены на секретную карту. Ночью, с середины августа, начинали падать звезды. Иногда мы насчитывали до ста упавших звезд! Еще в детстве я поняла, что хочу быть путешественником. Несмотря на явный музыкальный талант, меня больше интересовало самопознание, медитации, спорт и путешествия. Дедушкин атлас офицера был испещрен карандашными пометками… Я составляла предполагаемые маршруты, мне было все равно, что они проходят по исторической карте XVIII века через несуществующие страны… Карандашиком были обведены линии рек, они соединяли горы, города… Атлас офицера был моей настольной книгой вместе с Записками о Шерлоке Холмсе.

Сейчас полуостров Какумяэ вошел в состав города, но мало что изменилось за последние двадцать лет, даже, наверное, поросло быльем. На фоне шикарных коттеджей – за-

росли и заболоченные старые пограничные советские заставы. Какой-то налет пыли и паутины на всем, даже на лесе. В самой оконечности полуострова есть такое место, где пересекаются координаты и стороны света, где находится один из метафизических центров моей необъятной вселенной. А теперь там могила визионера, который умер в 2000-ом году. Об этом говорит надпись на дощечке, прибитой к новой деревянной лавочке.

Когда-то я встречала рассвет, сидя на оконечности полуострова. Напротив полуострова маленький песчаный островок, где всегда много птиц, птичий базар. Чайки и лебеди, утки и черные кормораны – гомон, полеты, переполох. В обрывах живут ласточки – стремительные птицы, предвозвестницы дождей… Силуэт ласточки и василек – национальные эмблемы Эстонии. Измерение птиц и моря вселяет надежду на неизменность основ бытия.

Дачи нашей, мы строили ее с папой своими руками, больше нет, на ее месте вырос огромный многоэтажный особняк, а вот елочки, которые я выкапывала в лесу, привозила на тачке и сажала вдоль забора – они растут, и они теперь высокие, и им столько же лет, сколько мне сейчас. И мне кажется, что, несмотря на то, что дом наш снесли, это место хранит воспоминание о нем и о нас, и о наших счастливых днях. Новые владельцы нашего участка сменяют один другого, а мне все снится один и тот же сон, что я вхожу в дверь нашей дачи, и там все так, как было в детстве, иногда во сне

со мной папа и бабушка. Наверняка и нынешние владельцы, которые все же снесли нашу дачу, скоро сменятся, и они будут меняться до тех пор, пока мне не перестанет сниться один и тот же сон, и до тех пор, пока души моих предков не обретут вожделенный покой.

Да, от бабушки в наследство мне досталась однокомнатная квартира в Москве, куда я перевезла остатки дедушкиной мебели, способные уместиться в однушку в хрущевке, архивы, переписку предков. Квартиру эту я освятила, после смерти отца сделала там ремонт, теперь вот поменяла окна (моя знакомая художница вынесла вердикт «окна – это душа дома»), сменилась душа, освежилась, надо бы поменять батареи и обновить пол. А вообще квартира теплая, уютная, светлая. В ней хочется молиться. Хорошо бы купить пианино и поставить туда, где оно стояло. Пианино, когда я стала сдавать квартиру, пришлось отдать музыкальной школе. Да и не жалко, это был фанерный пустой инструмент Заря…

После переезда в Москву, рано сделав ошеломительную карьеру, перепробовав все виды кайфа и запретных плодов, из-за своих экспериментов и падений в адову бездну я потеряла почти всех друзей. Хотя, может, это были и не друзья вовсе.

Мы застали Москву 90-х, когда свобода, сдерживаемая до этого железным занавесом, вдруг хлынула мощным, сме-

тающим старые основы потоком. Информация не регламентировалась ничем и никем: свобода слова, плюрализм, гласность, демократия. Стали повсеместно открываться видеоклубы и прокаты, на полках книжных появились доселе невиданные книги, издание которых не контролировалось цензурой. Полки холодильника были завалены огромными окорочками Буша, мы бухали странного яркого цвета ликеры и Амаретто, готовили на пальмовом масле, боялись сальмонеллы. Магазины были забиты низкокачественной одеждой и техникой. На стене красовались Брюс Ли и Мадонна, из старого магнитофона Панасоник пел Бутусов, Эм Си Хаммер, мы танцевали под Технотроник, потом уже появились Дорс и Нирвана, а с экранов телевизоров вещал Кашпировский, люди ставили баночки воды перед экранами телевизоров, Алан Чумак, еще один шарлатан, заряжал эту воду… Благодаря пирамидам Мавроди многие заработали и разорились. Мы смотрели фильмы со Шварценеггером в видеоклубах всего за рубль, собирали и курили бычки. Дома у нас появились кассетные видеомагнитофоны и запрещенные фильмы Эммануэль… В школьном театре мы ставили Оскара Уайльда и Сомерсета Моэма, читали в оригинале Шекспира и Элиота, выходцы из хороших семей, мы все рано стали курить и бухать. Со временем не осталось ни одного подъезда на Кутузовском проспекте, который мы бы не обоссали, не обблевали, но, на удивление многие из нас, долго умудрились хранить целомудрие, этот последний оплот

воспитания… Что касается меня, я потеряла девственность в девятнадцать лет в Греции, с прекрасным взрослым греком, который хотел нанять меня на работу в бары – разводить на деньги клиентов со всеми вытекающими… У него, у этого грека, был такой бизнес с Россией. Это случилось после смерти моей бабушки, когда я покатилась по наклонной, мне было на все наплевать… С папой мы на тот момент были в жутких отношениях благодаря мачехе, которая нас поссорила… Папа принял решение отселить меня – с глаз долой и из сердца вон, как говорится, и я переехала жить отдельно в однокомнатную квартиру, доставшуюся мне от бабушки… Я помню, когда я сломала мениск на Кипре, мне нужны были деньги на операцию, я тогда позвонила папе, чтобы занять у него, но он отказал. Пришлось занимать у друзей. За несколько месяцев до этого под ЛСД я увидела огонь на другой стороне реки и как будто бы соединилась с ним, в меня вошла сила огня. И мне предложили шикарную высокооплачиваемую работу в нефтяной корпорации, строящей наземные сооружения для Юкоса. Мне тогда было 23 или 24 года. Я вышла на новую работу с деревянной тростью, в коричневом костюме, оранжевой рубашке и в бежевых ботинках.

Конец сумасшедшей эпохи вольных 90-х совпал для нас, для нашего круга молодых, обезумевших от воздуха свободы школьников и студентов с началом эпохи психоделиков. Рейвы, Орбиты, литература, музыка, кинофестивали, выстав-

ки, яркие автохтонные персонажи московского андеграунда – Третий Путь, Кризис Жанра, ОГИ, Культурный центр Дом. Первый раз мы попробовали марку, ЛСД на шоу Жана Мишеля Жарра, лазерное шоу, проекция на здание МГУ, 850 лет Москвы. У нас тогда прорвало башню. Апофеозом было, когда над нашей головой нависли подсвеченные самолеты или вертолеты, это было что-то от Апокалипсиса… В ЛСД вообще есть что-то от Апокалипсиса… Пожалуй что такой же степени безумия я достигла только когда мы съели марки и пошли кататься на американских горках в Парк Горького, нас начало вставлять, было страшно и смешно одновременно, после аттракциона мы легли на асфальт на глазах всего честного народа и стали корчиться от кайфа. Както у меня случилась передозировка… После марки я покурила шишек, и тогда я просто стерлась, меня не стало… Я не знала, как меня зовут, откуда я, как будто разорвались все нити судьбы… Это было похоже на смерть… Мы остановили машину, и я помню, что я не могла понять, где я живу, мои друзья довезли меня до дома… Меня не отпускало сутки.

Конечно, наше поколение, мы впитывали прежде всего европейскую культуру. Я всегда оставалась ребенком Таллинского взморья, после переезда в Москву продолжилось мое становление как европейской личности, сформировавшейся под влиянием западной культуры. Был еще открыт Музей кино на Баррикадной с ретроспективой новой волны и не только, мы просто не вылезали из темных маленьких за-

лов с настоящим живым сурдопереводом: Фассбиндер, Херцог, Феллини, Антониони, Каурисмяки, Куросава, Бунюэль, Гринуэй, Бергман. Мы читали взахлеб, все подряд – Генри Миллер, Норман Мейлер, Камю, Борхес, Гессе, маркиз де Сад, Кнут Гамсун, Кьеркегор, Сартр. Шикарный был тогда московский кинофестиваль, был еще жив Сергей Бодров младший, какая была интереснейшая программа. А потом карнавалы вдоль набережной Москва реки в районе Зарядья. Клубы Вермель, «4 комнаты», Студио, Территория, Пропаганда, Микс – все было вкусное, стильное, свежее, яркое, интересное.

На смену 90-м пришла эпоха денег, романтика лихих 90-х уступила место золотому тельцу миллениума. Часы пробили, начался новый отсчет. А ведь когда-то мы мечтали, как встретим переломный 2000 год, смену тысячелетий. Все казалось таким далеким, несбыточным, а теперь это уже было так давно…

Я работала в представительствах крупных иностранных кампаний, хорошо зарабатывала, и эпоха наркоты и распутства все-таки завершилась, я выжила.

В нефтяной компании, где я работала администратором месторождений, меня постоянно посылали в командировки в Нефтеюганск и Стрежевой, в Самару и Новый Уренгой. Позже, когда я работала на платном телевидении, я летала на выставку в Канны и постоянно моталась в Лондон, где был

наш головной офис. Во время отпусков мы с друзьями ездили по путевкам в Гоа, я навещала своих друзей в Цюрихе, исследовала Париж, Барселону и Лиссабон. Но все эти отпуска, они были как усталое мещанское блеяние, они были ограничены временем, финансами, я была обывателем, потребителем, увязшим в мнимом покое и зонах комфорта.

Проклятия всю жизнь сыпались на меня буквально отовсюду – меня проклинала подруга, мачеха, бывший любовник ссал мне под дверь и вырывал с корнем карнизы, меня чуть не сбросили с крыши, чуть не выжгли глаз, я потеряла несколько зубов и коленную чашечку, меня чуть не поймали с большим количеством наркоты, чуть не убили во мне все самое прекрасное, светлое и вечное, но в итоге я воспряла и родилась заново.

Наверное, надо было переболеть алкоголизмом, чернокнижием, наркоманией, зависимостью от соцсетей. Переболеть гордыней, собой, тобой, джокерами, шестерками, монетками, вставшими на ребро, влюбиться и разлюбить. Переболеть деньгами и безденежьем, вседозволенностью и затвором, бродяжничеством и бездомностью, и, наконец, остаться в дороге, научиться любить и не обладать, быть может, обрести покой; потерять все – родину, дом, родителей, детство, разувериться во всем, отрешиться от всего и всех, чтобы снова стать свободной и заново прочертить соединения с глубинными основами бытия…

И я твердо знаю, что если человек не раскроется в полно-

ту своей человеческой личностной свободы – в самосознании, творчестве, разрушении и созидании, если не раскроется в нем чувство собственного достоинства, спокойное и отрешенное – пусть на выкорчеванной почве, пусть на развалинах, с белого листа, он, этот человек, не сможет раскрыться в полноту бытия религиозного. Ведь Человек не свободный не может быть с Богом.

Жизнь после смерти

В нашем роду было много бунтарей – анархисты, белые, красные, чекисты, коммунисты, сосланные в лагеря, КГБисты, музыканты, самоубийцы, дворяне и бедные крестьяне.

Но все началось когда-то в день папиной смерти, когда я встала на путь пирата креста, путь пилигрима, сама того не осознавая.

Папа умирал год, долго и мучительно, гнил заживо на наших глазах, в больницы его не брали, он сидел на морфии, но адские боли все равно не давали ему покоя, и он немного свихнулся. Хотя произошло раскрытие нашей с папой любви, наших отношений… «Кукуська, ради вас я еще поживу. Если ты хочешь, я покрещусь ради тебя». «Папа, ты не должен это делать ради меня. Ты должен это делать ради Неба, ради нового начала…» Я поехала ненадолго в Крым, сбежала, чтобы переключиться, выдохнуть, а когда вернулась, папа был уже совсем плох, никого не узнавал. Последний месяц жизни он не был похож на человека – одни кости, пищу принимать он не мог и находился без сознания, только прерывистое беспокойное дыхание говорило о том, что жизнь теплится в этом тщедушном тельце. Не верилось, что костлявый скелет с мутными глазами, корчившийся от боли, это мой спортивный статный красавец папа, любимец женщин, холеный деспот и тиран. Я была поздним ребенком в семье,

и папе уже было под пятьдесят, когда он учил меня кататься на велосипеде. Я очень боялась ехать сама, мне казалось, что я упаду… Поэтому папа бежал сзади, держа велосипед за багажник, и я вроде как ехала, и мне не было страшно. Так он бегал за мной и велосипедом до тех пор, пока я не смогла поехать. А когда я обернулась, папы не было…

Незадолго до смерти отца я все же покрестила его, сама, и, наверное, приняла на себя часть грехов рода, так как отцу, полковнику КГБ, сыну НКВД-шника, светил ад, и надо было что-то срочно делать, взять на себя хоть немного от тяжести его, папиного бремени… «Господи, возьми от меня и отдай отцу. Возьми часть моей силы, моих талантов, моей молодости. Пусть он будет жить». Он ведь заплатил большую цену, наивный бедный папа… год медленно мучительно умирал, а я верила до конца, что не все потеряно, что может произойти чудо, и он будет жить. «Папа, все будет хорошо…», – твердила я отцу, который уже был в коме.

В тот день, когда умер папа, мне надо было выходить на новую работу, на канал ОРТ, в отдел дистрибуции в Западную Европу, первый день на новой работе. И только я вошла в офис, раздался звонок, потом гудок, обрыв нити, слезы… Мой висок почти сразу поседел, и я как будто превратилась в старуху…

Папу хоронили в Таллине, кремировали в Москве… Прах его я везла в урне в поезде Москва-Таллин. Пограничник тогда спросил меня: «Что вы везете, мадам?» А я ответила:

«Везу прах отца хоронить». После кремации, помню, в такси играла одна из папиных любимых песен, «в незнакомой стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете…»

Начались десять лет изгнания, скитаний; выкорчеванный дом, брешь в душе, которую невозможно ничем залить, никаким алкоголем, и перманентная тяжесть тьмы… Спасала Церковь, благодать. А на работу я так больше и не вышла, в том обычном советском понимании рабского труда. Я подрабатывала фрилансером, иногда работала вахтовым методом за рубежом и даже со временем полюбила простой физический труд во всей его изначальной простоте и преображающей силе.

Все десять лет большой деревянный крест, которым я покрестила отца, был неизменно со мной, как единственный верный спутник.

И с тех пор, вплоть до недавнего времени, я всегда чувствовала, что за моей спиной ангелы дерутся, и я всегда видела две свои тени вместо одной.

После смерти папы мачеха очень быстро, практически в самый день его смерти начала суетиться о продаже квартиры со всей обстановкой и разделе наследства. Мне пришлось продавать с молотка всю нашу старую мебель и вещи. Такова была воля сестры и мачехи, все это было невыносимо, я запила и покорно склонила голову под плаху, сопротивлять-

ся просто не было сил. Мебель папа всю жизнь буквально боготворил. Немецкий модерн, югенд штиль, трофеи нашего деда НКВД-шника. Для папы эта мебель составляла основу бытия. Мебель, которая, по словам оценщика, оказалась не очень дорогой, но ее чудом удалось продать за довольно большие деньги… Бродяга ветер быстро унес эти деньги, а мебель попала в руки старого московского антиквара, специалиста по русскому Афону Дмитрия Константиновича, дядя которого был монахом в Русике.

Сразу после вступления в наследство и продажи квартиры (я была последней, кто покидал наш проданный с молотка дом, я была последним чистильщиком, кармическим чистильщиком рода и дома, что со временем превратилось в одну из моих профессий плюс к профессии пилигрима), я погрузила все свои любимые пожитки в два рюкзака и купила билет до Киева. Квартира моя в Москве на тот момент сдавалась. У меня была куча денег и очень тяжелые рюкзаки.

Из Киева мой путь лежал на юг, в сторону Одессы, откуда я собиралась паромами добраться до Греции, до Додеканесских островов. В Одессе, когда я пыталась по пьяни вымутить кокаин, меня благополучно нагрели на сто евро и, как потом оказалось, успели сделать копию с банковской карты…

Из Одессы я плыла на пароме с украинскими челноками, увешанными голдой и блистающими золотыми зубами, и итальянскими геями в Стамбул… В моей каюте храпе-

ли две вечно пьяные барышни и пахло дешевым перегаром. Старую посудину качало от каждого дуновения ветра. По бокам этого утлого суденышка были натянуты сетки. «Раньше многие хотели добраться незаконно до Турции, до сладкой жизни за кордоном, и прыгали за борт с корабля…» Было это в лихие девяностые. Ночью мы с геями напились, и я ставила музыку на дискотеке, корабль качался, и мы, пьяные, падали друг на друга. Старый турок с золотыми зубами предлагал сделать мне кунилингус. Я бегала от этого старого маньяка, который подстерегал меня за каждым поворотом… В моей каюте храпели несчастные пьяные хохлушки челноки. В Стамбуле еще несколько дней я не могла отойти от качки, вестибулярный аппарат восстанавливался с трудом. Я поселилась в Султанахмет недалеко от Агии Софии. Пестрый ковер воспоминаний, караван сарай: жонглеры-мороженщики и крутящиеся дервиши в здании старого вокзала, турецкие хамамы, шум и сутолока гранд базара, все здесь смешалось – запад и восток, Босфор, Галата.

Итак, я двигалась на юг. На остров Лерос должна была приехать подруга из Британии, и мне надо было к ее приезду найти нам жилье, снять мопед, как-то обустроиться. Лерос мы выбрали неслучайно – на нем последние годы жизни провела греческая старица Гаврилия, известная своими путешествиями в Индию, где она лечила прокаженных. Она была беесребреница и молитвенница с вечным спутником ангелом. В мои дальнейшие смутные планы входило движе-

ние на юг через Родос и Крит в сторону Кипра и, может быть, Израиля. Пробыв на Леросе около месяца, я сплавала почти на все окрестные острова – Патмос, Липси, Калимнос. Купалась, заходила в монастыри и храмы, которых было великое множество. На Липси добывали губочки, которыми можно деликатно мыть лицо. Я пила холодную ракию, прячась в тени деревьев и пережидая полуденный зной. Мы провели две недели с моей британской подругой, я разбила три мопеда, успела посетить все святые места и храмы этого странного острова, связанного с Муссолини и Микисом Теодоракисом, который провел на Леросе несколько лет будучи в заточении во время хунты черных полковников.

И вот, в один прекрасный момент банкомат просто не выдал мне деньги. Одесские мошенники благополучно обналичили в Москве копию моей карточки. Правда, деньги эти мне потом вернули полностью, банк вернул все до копейки. Но я была вынуждена прервать свое путешествие.

Очарование вещей

Наследство, как я вам уже говорила, было явно проклятым. Все, что я купила на наследственные деньги, пропало, было заложено в ломбард, потеряно, стырено, подарено, забыто. Каким-то чудом десятину мне все же удалось пожертвовать на помин души отца и наших сродников…

Все, что осталось от нескольких миллионов в материальном, видимом мире – это наручные часы, кожаная куртка, ботинки, ремонт на кухне, новое кресло, которое уже не новое и нуждается в реставрации… Ну, и ворох воспоминаний… Кресло, такое большое, что может сойти за диван, по форме схожее с утробой, итальянская бархатная обивка, напоминающая леопардовую черно-белую шкурку. Так и хочется снова сложиться в округлую позу эмбриона, обнять себя за колени (я помню, как в детстве любила нюхать свои колени, они пахли улицей, кожей, ветром, детством) и погрузиться в космический покой материнской вселенной.

Кожаную куртку я купила в Киеве за какие-то баснословные деньги, а часы Хамильтон в Стамбуле на базаре… К ним прилагалась пожизненная гарантия… Да, они заводятся от качания руки. А еще одно, пока не стареющее и не потерянное приобретение, купленное на наследственные деньги – это зуб. Передний новый зуб.

Прямо с поминок отца я уехала к одной богатой подру-

ге моей сестры, жене шведского миллионера… И мы с ней загуляли почти на полгода… Я отъезжала по делам наследства в Москву, а когда приезжала в Таллин, мы жестко кутили. Один раз на машине, на ее спортивном мерседесе мы попали в аварию, и я сломала передний зуб, ударившись лицом о бардачок… Помню поле, закат, пыль от отъезжающей машины барыги, на капоте ягермейстер и кокс. И солнце, черное солнце садится в пыльный горизонт. Black Hole Sun. Много лет спустя я встретила Свету, так звали эту стареющую гетеру, в одном из самых бедных районов Таллина в алкогольном магазине… Швед ее бросил, потому что она стала спиваться и перестала быть такой прекрасной и молодой как раньше. А с другой стороны – он был для нее в течение двадцати лет как хозяин, а она была его рабыня. По первому вызову, размалеванная и сексапильная, она должна была прилететь к нему или примчаться в отель Олимпия, где он ждал ее – огромный богатый викинг с плеткой и кокаином, нажравшийся виагры. Ну так вот, Света пробухала шикарную квартиру на берегу моря, машину, дачу и жила в малюсенькой комнатушке на первом этаже, работая уборщицей. Полнейший дауншифтинг… А подруга ее, с которой мы тоже вместе квасили, умерла в Лос-Анджелесе, отказала печень, не успели сделать переливание крови.

Ну а я, в общем, до того как одесские мошенники сняли мои деньги, все же успела сделать себе новый зуб, чтобы можно было улыбаться, у гениального греческого стоматоло-

га на маленьком острове Лерос.

Потом я меняла дома и квартиры, отели. Москва, Таллин и Печоры стали тем константным пространственным треугольником, который позволял мне не чувствовать так сильно зияющую в груди пропасть, брешь разоренного дома.

Я боролась с тьмой, живущей во мне, с тьмой нашего рода, с тьмой старого печорского дома, который заменил мне отчасти раскуроченный Дом. Я расчистила пределы, и моим желаниям люди перестали быть помехой. Я забыла про людей, а они забыли про меня. И это было то, что нужно.

Еще, я всегда вожу с собой маленький ножик из черной стали и кожаное папино портмоне, отчасти сохранившее запах нашего старого дома… Ножичек я всегда использую в сакральных целях, счищаю им присохший ладан. На черной стали выгравирован семисвечник. Портмоне же вместе с несколькими старыми фотографиями мамы, папы и бабушки бесследно исчез в Петербурге.

Этот запах сохранил и старый дедушкин шкаф, который запирается на ключ и стоит у меня в коридоре в московской квартире. Ключ от шкафа хранится на связке с другими ключами от квартиры и с брелком Portugal, который мне когда-то подарил в Париже на набережной Сены молодой португалец. Сена штормила, буквально выходила из берегов, я бродила по Парижу с рюкзаком, прилетев туда из Израиля. И разговорилась с компанией пьющих виски маргиналов – португалец тогда спросил меня: «У вас вообще есть дом?» и подарил

брелок от ключей. В Португалию я когда-то хотела переехать на ПМЖ, так как влюбилась в Лиссабон, меня привлекала его антикварность, неприкрытая обшарпанность, сумасшедшие краски, солнце, холмы и воздух свободы. Сейчас пожалуй что Лиссабон кажется мне чересчур шумным. А на вопрос: «Есть ли у вас вообще дом?» я многозначительно промолчала.

Часы надо бы уже почистить и поменять заводные колесики, что и было сделано. Часы теперь обрели новую жизнь, они бодро идут, не останавливаясь. И кожаную куртку я недавно привела в порядок, поменяла подкладку. Куртка сама потертая, брусничного цвета, а подкладка вишневая, блестящая, гладкая, словно шелк. На рукавах и на воротнике кожа совсем прохудилась, стала мягкой и приобрела уже серый, местами черный оттенок. Пуговицы на карманах отлетели, хотя они не так уж нужны, ведь есть молнии. Рукав один в районе локтя стерт и шероховат – это след падения с велосипеда или с мотобайка. Жесткая и негнущаяся часть кожи в области кармана – наверное, пролитый ягермейстер или вана Таллин. Сколько попоек, зависонов, поездок, побед, поражений, встреч, надежд, разочарований, влюбленностей, ненависти, обид видела эта куртка. Маленький ноутбук был забыт мной по пьяни в одном из кабаков ночной Москвы… Цепочкой из белого золота весом около 15 грамм я расплатилась с ментом, который подвозил меня домой на машине, а я, решив, что это таксист и не обратив внимания на лам-

пасы на его брюках, предложила ему раскуриться. Выходим из машины, он закручивает мне руки, а я спокойно несколько минут спустя снимаю свою цепочку и отдаю ему.

События как бусинки: одно вспомнишь, зацепишь, за ним и другие потянутся. Так складываются воспоминания, составленные из главных вех-бусинок. Углы, одежда, книги, люди, вид из окна, дороги, надежды, упования, планы и сила по ту сторону добра и зла, неподвластная времени.

В промежутках между кутежами и путешествиями я подрабатывала тапером в кафе и ресторанах, иногда меня просили написать текст для буклета или сделать перевод с английского. Я работала на временных и удаленных работах, делала описания товаров для интернет магазинов… Полгода жизни я провела в Англии, ухаживая за инвалидами. Были небольшие периоды оседлости в Таллине…

А старый дом в Печорах на границе империй все же стал для меня тем центром розы ветров, местом, благодаря которому я смогла собрать ворох всех своих воспоминаний, почувствовать себя в безопасности под крылом Матери Лилий и снова обрести потерянную драхму – свою бессмертную душу.

Фотографии, музыка, тексты и невидимое присутствие ангелов – константы бытия. В последнее время ангельский свет, он становится таким ярким иногда.

Жизнь в квартале маяков

Эхxx, а мне бы – поселиться в маленьком таком городке с населеньицем в пару тысяч, записаться в местный ансамбль, по воскресеньям ходить в церковь, дружить с соседями, помогать бездомным собакам, иногда ходить в баню, участвовать в благоустройстве и озеленении, в создании маленького провинциального рая и не забывать про место на кладбище. Да, и чтоб у городка этого был такой красивый герб, обязательно со смыслом, обязательно с историей, берущей свое начало со времен упадка Римской империи… А, ну и чтить местных юродивых и блаженных похороненных на краю кладбища…

Все бы ничего, но, Господи, как же холодно…. Все вроде ничего – природа, люди здесь иногда попадаются интересные, спокойные, но, Боже мой, как же здесь холодно. И пустота… Чувство пустоты… Разрывы пространства… Вроде как даже какая-то щель.

Да, знаете ли, поговаривают, что мы живем в расселине, в жопе мира, в пропасти, куда проникает так мало солнечного света.. Иногда в трамваях, освещенные солнцем, застывшие, фактурные как будто высеченные из гранита попадаются лица. А вот из подвала вышел на перекур кингисепп, сапожник, в кожаном переднике, с мясистым лицом, смач-

но-привычно курит, смотря в одну точку. Но такие яркие персонажи попадаются редко, все больше – мясо, серая масса, Босховские люди-уроды в расщелинах серых камней. Люди здесь имеют неосторожность исчезать, они просто падают глубоко в расщелину и уже не могут выбраться наверх, к солнцу, к небу. Самое ужасное, что их никто не ищет. Никто не спохватится об их исчезновении, не затрубит в горн, не забьет в колокол, не зажжет сигнальный огонь и не отслужит мессу за упокой. Итак, господа, живу я в расщелине (читаем «в жопе»).

Ревельский квартал маяков состоял из построенных пленными немцами бараков, хрущевок, подвальных магазинчиков с контрабандной продукцией из России, пары супермаркетов, кулинарного техникума. Основное население района составляли алкаши, наркоманы, бедные старики, еле сводящие концы с концами и вынужденные отдавать половину своей пенсии на непомерно высокие коммунальные платежи. Было конечно и несколько плюсов – квартал маяков раскинулся на горе, с которой открывался шикарный вид на башни старого города, на залив, на корабли, заходящие в порт. Неподалеку был парк, названный в честь императрицы Екатерины, в самом квартале до сих пор высился и работал черно-белый маяк. А на границе парка стоял маленький красный маячок, светивший зеленым прожектором, линза к которому была заказана из Франции в 18 веке.

Наконец-то, свершилось, дождливым сентябрьским днем

я переехала в свой угол, впервые на первый этаж, впервые одна я снимала двухкомнатную квартиру за коммунальные платежи у пожилого господина, сына которого убили в лихие девяностые, а его тело было найдено и опознано на мед экспертизе через много лет спустя смерти, относительно недавно. Сына когда-то закатали в асфальт.

Первая ночь в новой квартире прошла очаровательно – я почти что выспалась. Наутро выпив кофе и продефилировав голой перед окнами 1 этажа, я подумала, что жизнь прекрасна, немного пострадала от своей новой любви (старой как мир, пыльной как мои мозги) и стала готовиться к выходу во вне. В этом дивном ВНЕ где-то неподалеку в одной из квартир жила новая знакомая а теперь еще и соседка с подозрением на воспаление легких и старой ненужной кушеткой, которая, быть может, вписалась бы в мои пустые хоромы, напоминающие плацдарм для бальных танцев. Перед выходом из дома я подумала, «интересно у моей знакомой к которой я иду в гости толстые лодыжки…?». Эви жила в квартире с видом на маяк и «бездонное озеро, в котором тонули люди» и происхождение которого неизвестно. И, о Боже, первое, о чем она почему-то стала говорить – так это о своей толстой кости и мощной комплекции. «У меня в роду видимо были труженики, землепашцы…». Я многозначительно молчала чувствуя себя почему-то сволочью… В соседней комнате сидел бойфренд новой соседки – еврей-низкорослик с большой головой, похожий на гения – гуимпле-

на, известный футбольный журналист. Сама же Эви была неплохим художником, училась в магистратуре Академии искусств Эстонии на мульти-медиа художника. Не знаю чему их там в этой академии учили, но у молодых т.н. художников Эстонии наблюдался чудовищный вакуум в базовом художественном образовании. Они не знали банальных вещей, могли не знать кто такие конформисты или могли никогда не видеть картин Миро или Мунка, и видео-инсталляций Ребекки Хорн… Как мне потом объяснили – это был один из принципов современного арт-образования в Эстонии – давать художникам возможность самим найти, нащупать свой путь и не пичкать их готовыми представлениями об искусстве. Ну и наверное что-то вроде «пусть сами занимаются своим образованием – интернет, выставки, и т.д.» В квартире моих новых соседей везде были буквально раскиданы ноутбуки и велосипеды, косяки и самокрутки. Пара эта была типичным олицетворением Таллинской русскоязычной молодежи – бездуховной, талантливой, амбициозной, холодной и необразованной, не читающей русские книги, а поэтому в основной массе своей косноязычной. Я была не первой кто принес имбирь больной девушке. Мы уткнулись с ней в экран ноутбука. По информации из «откусанного яблока», в Эстонии есть анархисты и даже ежегодный песенный панк-фестиваль. Многотысячное панк-караоке. Представьте себе огромное поле, набитое ирокезами, полуголыми пьяными мужиками, женщинами и детьми. Особенно комично

выглядят 40-45-летние женщины в первых рядах (подставные утки?) со спокойными сытыми лицами и нахлобученными на голову разноцветными ирокезами или с сельскими косичками (причем тут панк?). Они сосредоточенно, словно школьницы на экзамене, уткнулись в тексты песен, старательно открывают рты и на переднем плане – главный панк страны, президент Эстонии.

«Мужчина инвалид избил женщину костылем, а потом обругал её…» – из сводки эстонских новостей. Хорошо, что не надругался и не обрыгал… «В доме интернате сгорело 10 детей-инвалидов» – да, это на самом деле печальная новость, большинство детей встретили смерть в инвалидных креслах. Они не могли убежать или скрыться от огня… Интересно, – где были воспитатели? Кто-нибудь пытался, рискуя жизнью спасти этих ни в чем неповинных детей? Больно в сердце… Начинаешь верить в то, что дети-инвалиды попали сразу в рай… И они молятся о нас, там, в своем новом небесном доме-интернате с большим садом. Вспомнился Бергман, пляска смерти, дети в инвалидных колясках летят по небу словно стая птиц.

Люди нашего времени – они болеют беспамятством. Они поверхностны и патологически забывчивы. Большинство из них не умеет концентрироваться, теряется в потоках информации, не может осознавать, делать правильный выбор, не может собираться внутрь. Людям нашего времени вообще на многое начихать. Они как ветром гонимые облака, вечно

пьяные немотивированные ублюдки. Пустые, полые, чучела. Умершие еще до своего рождения. Eyes wide shut, captain, корабль сбился с курса и его носит по волнам словно «Летучий голландец».

Первый этаж

Я летела домой… С пересадкой в праге. Из Рима. Я сидела в зале ожидания Пражского аэропорта и слушала Эми, Бэк ту Блэк. Да, Эми, мы все из пепла в пепел, из глины в глину уйдем. Я летела в Таллинн, когда Эми умерла. Вернее, когда она умерла я была в зале кинотеатра на фестивале короткометражек в Риме. В общем я сидела в зале ожидания, – Эми умерла, Эми звучит из моего лаптопа, пусть все слушают. Еще умер Борис Раскольников. Третий Путь. Наша авангардная юность. Его надвигающаяся старость. Не дожив до 50. Ну вот. А я перешагнула рубеж – 33. Через перевал. Заснеженный и острый. С тяжелым багажом. Скинула балласт в море. И немного заземленно, но налегке.

Я в Таллинне. Из окон соседней квартиры доносится голос Курта, Кобейна. Это же было почти 15—20 лет назад. Мои цифры, мои года, просто не укладываются в голове… Полжизни назад мне было столько же столько слушающей Нирвану молодежи. И мы знали все песни наизусть, пили водку в подъездах. Странно все это. Съеденное, исчезнувшее время. По-моему такие как Курт берут на себя все говно этого мира. Блаженны правдолюбцы. Я вышла на улицу. После Рима такая серая реальность Таллинна. Ломбарды, секс шопы, подержанные товары, причалы, уходящие под воду, серый старый камень. Потрескавшаяся реальность. Пласт сов-

ка +нищета. Босх, уроды, большой тынн… Умирающая эпоха… «И на обломках самовластья напишут на заборах Х.Й»

Я дома. Двери дома открыты для меня… В любое время дня и ночи. Первый этаж – замечательный первый этаж в квартале маяков. Я вижу как капли оставляют концентрические круги в лужах, я вижу мокрый асфальт, машины. Все близко. Как будто я в собственном одноэтажном доме. По соседству со мной мастерская по изготовлению надгробий, памятников, плит. Живу я у гробовой доски, и до гробовой доски буду помнить тебя, мой любимый город детства. Буду помнить эту первую осень. Сегодня мне приснился Бог, Он коснулся моего сердца горячей волной. Конечно же по молитвам Богородицы. Сегодня Рождество Матери Бога, пречистой, пренепорочной. Еще в моей жизни появился Ницше, что-то есть в этой обнаженной ницшеанской правде, позабытое величие Человека… С утра я выносила мусор и нашла на помойке стулья, посуду и старые пластинки. Утром стулья. То что надо. Так как было просто не на чем сидеть.

Ее Величество Литература, Ее величество Музыка, ее величество Муза, главная муза – Память. Пан или пропал. All-in, причем всегда All-in. Великие и ужасные гении-хулиганы, живущие у гробовой доски, затворники, но не мизантропы, одиночки, но не одинокие, «по ту сторону добра и зла», хотя нет, постойте, я все-таки перебегу на сторону добра. Вот как раз забрезжил зеленым светофор.

Прибалтийская серая действительность. Как будто сидишь в кастрюле. Эффект кастрюли. Просыпаешься и не понимаешь – вечер за окном или утро. А теперь представьте себе, что это на последующие полгода. Ну нет, 3 месяца, до первого снега, до первых холодов… А что прикажете делать с этим? Уехать в деревню и ждать конца света, сидя в избушке у печки с молитвословом и псалмами, существуя в реальности «последних времен» или сбежать от зимы в Индию? Или… Не знаю, я остаюсь.. Да, пожалуй, что я остаюсь… По крайней мере до первого снега. А там видно будет. Ближе к людям, ближе к земле. «Я остаюсь чтобы жить».

А пока, ну а пока я все глубже, все быстрее с геометрической прогрессией и 3d ввинчиванием погружалась в расщелину. И уже вроде как стало казаться нормальным и привычным то, что после выныривания или задолго до того как я переехала в расщелину, показалось бы диким, чудовищным, чужим, скорее даже чужеродным. Это скопище навязчивых идей, монстров созданных моим воображением, растягивающих меня во все стороны. Отлепишь одну присоску, как тут же приклеивается другая.

Сегодня вечером у красного маяка было ветрено. Где-то внизу чувствовалось море. Его не было видно, но береговая линия подсвечивалась приплясывающими огоньками, как бы вторящими песне ветра. Старый маяк светил зеленым светом. Корабли не садились на мель, не врезались в камни, они вообще шли по заведенному курсу. Маяки – это как ата-

визмы старой исчезнувшей эпохи людей великанов. Сейчас они просто своим присутствием, своим светом сквозь тьму напоминают нам – людям – заблудшим кораблям 21 века, о верности пути. О том, что надо идти. О том, что свет прорубает тьму. О том, что когда-то маяки были жизненно необходимы…

Сегодня в окно первого этажа я увидела настоящую жизнь. Счастливый отец семейства забрал свою жену из роддома с маленьким новорожденным в переносной люльке. Она – разжиревшая и с цветами. Он – счастливый, от счастья даже немного потерявший голову, звонит своей маме, что-то кричит в трубку. Они заходят в подъезд, ребенка несут познакомиться с бабушкой, которая наверное еще более счастлива, чем родители. Трудно себе даже представить что они чувствуют. Иногда человеческая жизнь, человеческое счастье очень просто-составное. Она, жизнь, соткана из стандартных моментов, из ярких эпизодов, этаких вспышек, за пределами которых – серая пустота. Наверное, это и есть «мещанство»…, но так иногда хочется радоваться вот этим простым человеческим радостям. Сидеть за шумным столом, в новом платье, принимать поздравления друзей, знакомых, родственников. Щедро дарить всем улыбки и тепло. И только северный ветер в окно и быстрые скитальцы облака, да еще дуновение чего-то давно забытого и до боли знакомого, словно песня, нет-нет да и всколыхнет старую истину. Правду о маяках.

Искусство с белого листа

«Да уж, в имперстве….,» – скажете вы. Хотя, что вы знаете об имперстве…? Так вот, в империях все слишком серьезно. А здесь, в этом маленьком богом забытом государстве на стыке империй пытаются не имея основ опереться на пустоту. Пожалуй, чтобы начать разрушать, идти от сложного к простому, надо прежде понять сложное, т.е. иметь фундаментальную базу знаний, понятий, опыта. И эти маленькие дети без корней, сидящие в комнате с видеоинсталляцией и записывающие что-то в свои тетрадки. Боже, они ведь не видели античных статуй, икон, из чего они будут сотканы? Эти пробирочные дети, живущие на старых заброшенных заводах. Дети третьего мира, без корней, без сердца.

Стою я на выставке современного искусства в абсолютно белой комнате, освещенной флюорисцентными огнями и слушаю белый шум. Где-то там, за окном, как и прежде идет дождь, в какой-то из соседних комнат вещает бородатый чудак. О чем это он? И где я в этом во всем?

Когда я проснулась, стали зажигаться огни в окнах дома напротив. Солнце зашло, мой день начинался. Предчувствие неминуемого раскаяния, докопаться до сути, прогнать заползающие щупальца страха и отголоски пустоты. Вечность, как и прежде, вошла без стука, как входит хозяин в свой дом. Затишье перед штормом, говорят, надвигается шторм, мое

бурление на грани безумия. Куда ты несешь меня, мой Летучий Голландец, мой призрак, мой потерявший управление утлый челнок? По каким полутонам джаза мы будем обходить опасные волны? Но главное, не заглядывать в болота, не смотреть в глаза сиренам, не делать выдох после вдоха. И – дел невпроворот. Да, хотелось бы дел невпроворот. Я под колпаком осени, под колпаком своего маленького безумия, и мне уже не так холодно, огонь горит в моих зрачках, ветер, теплый, густой вечер, деревья как и прежде лучшие друзья… Может быть собаки? Нет, только те, которые снятся по ночам. И главное, чтобы не было страха. Всеми правдами и неправдами прогнать этот страх… Уходи…

Ко мне заходит хозяин квартиры. «Моего единственного сына убили… Я хочу, чтобы меня признали потерпевшим…, чтобы государство выплачивало мне компенсацию. Я ведь инвалид, а мой сын мог бы быть мне единственным кормильцем», – говорит он.

А бывает наоборот – старых больных родителей упекают в дом престарелых и еще при жизни продают их старый дом и впопыхах второпях все нажитое выносится на помойку. И эти люди мои друзья.. И я помогаю им избавляться от старого хлама их родителей, засунутых в дом престарелых, и по ходу забираю что-то нужное себе. Быстрые деньги, скорая смерть, счастливая старость… Жестокая правда жизни. И долго ли проживут те люди, которые упекли своих стариков в дом престарелых и как поведут себя с ними их де-

ти? И кто я в этом во всем? Соучастница, сторонний наблюдатель, главный герой, потерпевшая, вечная мученица, Дон Кихот или Жанна Д'Арк? Но я знаю твердо, и пусть правда, как и прежде, режет глаза, я знаю, что надвигается шторм. Так сказали по радио. А еще, вроде как не так уж и холодно, черт возьми…

Как я 2 дня подряд проспала автобус или хороший-плохой человек…

Два дня подряд я просыпала автобус, который должен был везти меня в сторону Москвы. С какой-то ослиной упертостью я пыталась уехать, хотя чувствовала, что никуда не уеду и не вполне скорее всего понимала зачем мне вообще туда ехать, поэтому не знала, радоваться или печалиться мне по этому поводу. В те дни, в которые я должна была уехать в Москву, в итоге произошло много всего интересного. Я читала стихи на бывшем советском заводе перед маленькой аудиторией, большая часть которой не понимала мой родной язык, те русский. Потом я поднажралась, тк до завода мы встретились с подругой и пили за ее прошедший ДР, стоя у маленького прудика, в который я когда-то, пару десятилетий назад, швырнула щенка боксера, чтобы научить его плавать, а потом уже взрослого, старого, больного, оставила на произвол судьбы, и он умер от тоски и от боли. Подруга эта была русалкой речных заводей с абсентовых картин Мухи и на тот момент была влюблена в актера провинциального театра и местного ловеласа, не гнушаясь в то же время

ухаживаниями и подарками нескольких поклонников. Хотя иногда она напоминала византийских красавиц. Огромные глаза, вьющиеся волосы, высокая и искрящаяся, но с какой-то родовой болячкой в душе.

После чтения стихов я заблудилась в коридорах пустого старого завода. Меня нашли и вывели. Из правды, из важного: произошла любопытная встреча. Опять-таки неподалеку от пруда, где я жестоко учила щенка боксера плавать, и где мы пили МАСИ с подругой, обсуждая влияние Ницше на наши судьбы, и постоянное присутствие божественного несмотря на любовь к Ницше. И где от нас за версту попахивало феминизмом. А так вот, из важного. Иду я, это было за пару дней до чтения стихов, за пару дней до распития МАСИ и за несколько дней до одного из дней когда я должна была уехать. Так вот, иду я вдоль стены старого города, это довольно высоко, такая узкая тропинка, ведущая к длинному Герману от одной из смотровых площадок. Иду, а навстречу мне женщина, внешне похожая на офисную работницу, с сумками, как будто отоварилась после работы. Пахнет от нее вкусно, блестят в темноте сапоги, идет мне навстречу и быстро что-то говорит на эстонском, я сразу же перехожу на английский, и вот, оказывается, она боится идти по этой тропинке, и спрашивает меня не опасно ли это. «Ну если у вас не очень высокие каблуки, – то не опасно…» «Дело не в каблуках. 2 года назад здесь зарезали женщину, маньяка нашли только год спустя…». „А так маньяки обыч-

но не приходить убивать на то же самое место“» – говорю я полу в шутку – полувсерьез. «И потом- не надо думать о плохом..» А еще не надо смотреть телевизор, читать газеты, и т. д. и забивать себе голову всяким хламом… Так вот, женщина, которая оказалась эстонка, одногодка со мной, садится мне на хвост, и мы идем вместе по тропинке, а потом еще поднимаемся к Линде, на мою любимую горку. Желтые листья, у меня в руках каштаны. Я чувствую, что что-то важное сейчас происходит, что мне надо ей помочь. А еще видимо я патологически не смахиваю на маньячку, или немного смахивает она… «Я уже год без работы. Живу на накопленное. (вериться с трудом, ну да ладно), знаю 4 языка. Может мне уехать? Или остаться… Я даже подуваю о самоубийстве, но нет, я так люблю свою страну…» «Даже не подпускайте этих мыслей..» Все, начинается, пациент – психотерапевт. Я дарю ей каштаны. Она так благодарна как будто я дарю ей что-то ценное. Она провожает меня до остановки. Мы обмениваемся телефонами и именами. Не знаю, увидимся ли мы еще, но знаю, что то, что случилось, было нужно кому-то. По крайней мере ей. Или мне. И потом, хочется верить, что я спасла ее от самоубийства. Хочется верить, что у нее все будет хорошо.

Потом – подготовка к отъезду вечер второй. Опять собираю чемодан, звоню подруге, говорю «давай выпьем за мой отъезд», а у нее кот умер. И она только вот с похорон, и грустная. Закапывала его. Опять напиваемся, просыпаю автобус

номер два. В общем, ни в какую Москву я не еду. «Я остаюсь», трам-пам-пам.

Сутки спустя я пришла домой в 5 утра после бурной ночи, проведенной в компании малознакомых людей, в странных местах, куда бы я сама никогда не зашла. В 5 утра в подъезде была открыта настежь дверь, а на лестничной клетке, особенно в районе моей двери и коврика все было буквально залито кровью, забрызгано. И стоял невыносимый запах свежей крови. Я была навеселе. Ко мне подошел мужчина в резиновых перчатках, наверное врач или криминалист. «Вы знали этих людей?». «Нет, я здесь живу недавно…» Он посоветовал не прикасаться к крови, «это же кровь, вы понимаете…». Странно, но меня волновала больше чистота двери и собственная репутация, мне было наплевать на тех, кто пострадал. Я даже ничего не спросила. Я вошла в свою квартиру, закрыла дверь, выспалась, а когда встала, то кровь уже убрали, но запах оставался, невыносимый запах уже немного застарелой крови, похожий на подтухшее мясо. Я выбросила коврик на помойку, приняла ванну, а когда, ближе к вечеру вышло закатное солнце из-за тяжелых сине-серых облаков, то оседлала велосипед, и….. Листья заиграли красками осени, сырой холодный ветер в лицо, пахучий. Стремглав несусь с горы сквозь ворох мокрой желтизны, и солнце светит незнакомо, так ясно, так особо. Прозрачность как правда, и вот, хорошие-плохие, неважно, кто мы, важно, что вот сейчас прекрасное мгновение, и это все, что у нас есть.

Дерущиеся музы

Солнце выплескивалось щедро и неосторожно – разбрызгивало краски по листьям осени, суровое балтийское небо конца октября цвета свинца как нельзя лучше контрастировало с яркими желто-оранжево-красными листьями. Иногда подсвеченные солнцем белые птицы как будто с других берегов появлялись на фоне свинцового неба – как вспышка, как момент истины. Мне ничего не оставалось как смотреть в окно и удивляться этой красоте, гулять, жадно глотая осенний воздух. И наверное – это то, что мне нужно. Статус – безработная, я отправила стихи на конкурс, – до сих пор не знаю хорошие они или плохие, мои стихи. Вердикт пока не вынесен. Пока не вынесен мне приговор. Все как будто зависло в осени, все как будто проторило ей дорогу, – чтобы ничего больше не мешало. Даже музыка – моя извечная страсть, моя мозоль, мое тн предназначение, связанное с волей покойной матери – музыка и та отвернулась от меня. Нигде не нужны таперы, а инструменты никто не настраивает. До сих пор не могу понять дружат ли музы музыки и литературы. Но точно, что за всем этим кто-то стоит. Это дядька с седой бородой, а еще за этим стоит память. И непременно, во всем этом – самая прекрасная осень моей жизни, для которой расчищена дорога. Странно, эта осень совсем не грустная. Она похожа по темпераменту на жаркий южный полдень. Я медленно превращаюсь в ребенка улиц. Да, не так давно я шутила, что моя профессия – бродяга. Наверное так

и есть. Ну вот, все, осень зовет, манит, ждет меня за окном, я откланиваюсь и иду танцевать.

Странно, как вдруг меня настигла безработица. Это когда в общем-то ты не против любой работы, но на все высланные резюме, письма – ноль эмоций, без ответа. Да, должно быть трудно объяснить обычному человеку почему после 7 лет работы в корпорациях – на платном телевидении, в нефтяной компании, в сфере финансов – почему вдруг фриланс, тчк, пробелы, и вот – с таким багажом за спиной согласна на любую работу… Все в наше время хотят подогнать под шаблон, всему хотят дать имена, никакой романтики в чистом виде, никакой импровизации. Если человек идет куда-то один с рюкзаком, спит на пляжах, работает в монастырях, ночует в гамаках и хижинах, – то обязательно надо выложить фото, выдать себя за героя, быть кем-то для кого-то. Боже, как это все мелко и ничтожно. Быть просто с Богом за одно, с дорогой – ни для кого-то, для того чтобы стать лучше, чище, мудрее, тоньше, сильнее. Ну может быть, в крайнем случае быть ходячим манифестом, этаким творцом свободного пространства вокруг себя. Если уходишь из корпораций во фриланс – то это «ааа, вы дауншифтер», если плаваешь с маской с рыбками – то это снорклинг, если с рюкзаком за спиной бредешь по дороге – бэкпекер, прогулка по джунглям – это оказывается трекинг. Нет больше героев. Мы живем во времена мрачного пи-ара, самовыпячивания, виртуального лжевеличия. Где вы бродячие музыканты, сумасброды, авантю-

ристы? Да, я всегда не дружила с куревом и алкоголем, да, я всегда хотела быть кем-то другим, родившись поэтом и музыкантом вдруг стала гнить в этих паршивых корпорациях – все ради папы. Потом он умер – умирал долго, тяжело, впервые пожалуй мне не больно об этом писать. Рана затянулась. Потребовалось столько исхоженных дорог, столько ночей под незнакомыми звездами, столько галлонов вина, столько молчания и слез. Столько одиночества. Да, я могу сказать, – я заслужила свое счастье. Вот сейчас здесь под этим осенним серым небом, безработная бродяга со сдаваемой в аренду квартирой в Москве, никого рядом, чистый горизонт. Лучи солнца сквозь тучи были сегодня просто монументальны. Город лежал как на ладони, подсвеченный закатом, ободки серых облаков и эти божественные лучи. Невозможно оторвать глаз от такой красоты. А еще уцененное македонское вино, на обратной стороне бутылки написано про сульфиты, а после первого глотка понимаешь, что похмелье гарантировано. И где-то в воздухе витает любовь. Я почти ловлю ее за краешек платья. Она во всем. И есть несколько людей, которым она также нужна, как и мне. Этой осенью. В этом городе.

Скользящие лебеди вышли из берегов, гуляют вдоль трассы в поисках еды, а город поглощен серой мглой. Заретушированные башни, невнятное содержание, скользкие прогулки по лезвию ножа. Незавершенные – неначатые, зависшие в воздухе притяжения. Твердолобая упертость упавших

сумерек и чьей-то не-любви. И во всем этом прорисовывается что-то такое ускользающее, до боли знакомое, прожитое, пережитое, увязнувшее в вечном ноябрьском межсезонье и давно забытом сне, в котором мы с тобой были вместе. Как же давно это было. Всегда ведь есть только одна любовь, все остальные повторяют ту, самую горькую, самую сладкую, почти первую. Почти навсегда. Главное досчитать до ста, каждая последующая сотня повторяет предыдущую. А теперь я смотрю вперед, прорубаю путь сквозь лед, раздуваю мглу и пепел. Придаю очерченность пути. Я двигаюсь вперед. Впереди гололед, пункты, причалы, опять корабли. Журчанье реки, устремленной к началу. Пожатие руки на прощанье. «Не бойся, смотри, не беги, иди. Спокойно иди к маяку.» Стою одна, у маяка, руки как крылья. Мы одни. Он светит. Сквозь тьму. Всегда.

Всегда хочется спасти умирающие ростки, вдохнуть жизнь в сонную ящерку, в замерзающую птичку, подать руку тому, у кого нет надежды. Влить радость в того, кто разучился радоваться, заставить поверить того, кто боится верить и смотрит в пол. Птичку жалко.

Да, это город птиц. Но не ангелов. Здесь довольно низко, далеко от горнего Иерусалима. Эти пустотные низины настраивают на физическую активность, совершенствование тела, потребительство и бытовую культуру. Здесь попахивает протестантскими ценностями труда и социального блага, Бог где-то далеко. А русская душа без Бога деградирует и гиб-

нет, поэтому так много русских здесь за чертой, вне социума, протест, который приводит к гибели и саморазрушению.

Nova Vita

Съехав из двушки и покинув район маяков, где я думала что задержусь надолго, ну и задержалась собственно почти на всю золотую осень до первых до холодов, до низкого неба, – я сменила статус «безработная» на статус «трудоустроена за рубежом», и мой самолет взмыл в низкое небо Балтики. В руках я держала библиотечную книгу Данте Nova Vita. Я прочитала только первую страницу, но сама книга являла собой символ новой жизни и очень хорошо соответствовала моему настрою и смелости оторвавшегося от земли самолета. Аллилуйя, мы летим. Я хотела, чтобы соседи по самолету видели название – «Да, это новая жизнь – как будто говорила книга – та, что держит меня в руках уже никогда не вернется, потому что не вернется прежней, а я вернусь в библиотеку и буду пребывать в плоскости книжных шкафов и в бескрайнем измерении истории. Я ведь уже история, Nova vita forever. Amen».

Моя первая подопечная, за которой я ухаживала оказалась полностью парализованной молодой женщиной с мульти склерозом, с глубочайшей депрессией, ее можно было бы даже назвать бесноватой. Ее очень раздражал мой нательный крестик, который иногда выпадал из-под одежды, ей не нравилось практически все, что я делала и она буквально изводила меня. Мне помогали прогулки по лондону и молитвы –

я взяла с собой псалтирь и молитвослов. Я запаслась терпением, пыталась полюбить эту несчастную. Что получалось с трудом, она с натяжкой вызывала жалость. В новый Год было тепло и цвели магнолии. Подсвеченный сказочный мост принца Альберта, один из моих любимых мостов недалеко от Челси, наполнял душу предвкушением праздника, верой в чудеса, лампочки щекотали нервные окончания, птицы щебетали, все было хорошо. У меня.. Она спрашивала меня «ты можешь понять что я сейчас чувствую…»? Нет, я не святая, это они, наполненные любовью Бога могут полюбить вот так как ты хочешь, чтобы тебя любили – стать другим человеком, буквально перестать быть собой…. Но я не могу. Я буду делать свою работу, но я не смогу «ходить в твоих башмаках», прости, Кейти….После русского Рождества вахта закончилась. Я вернулась в Таллинн, впереди меня ждал отдых и новая вахта.

А когда на дворе наступил китайский новый год, мы собирались в кино на фильм Кена Арчера «Дерьмовый год». Все предвещало в глобальном смысле что год будет дерьмовым, причем дерьмовым по-драконовски. Евро окажется в глубокой жопе, южная европа в полной заднице. Ну да и фиг с ним. Да, а еще, судя по новостям плохой урожай винограда приведет к нехватке вина на планете, а в Бирме вырастет производство опиумного мака. И одно не связано с другим… Я коротала время, смотрела на снег за окном, ждала вестей, почтовых голубей, чтобы улететь в Туманный Аль-

бион и снова погрузиться в тяжелую работу по уходу за инвалидами.

В Таллине снега было завались… За окном все светилось белым светом, дымок уютно вился из труб, термометр показывал -20, хотелось нырнуть в этот чистый белый снег с головой, в Крещенский снег, хотелось стать другой раз и навсегда. Зима выдалась студеная, лютая. Если бы не стремительные тени птиц и яркое солнце, так четко говорящие об увеличении светового дня, мое сердце давно бы сковали безнадега и грусть. Но батареек хватило ровно до первых весенних лучей февральского солнца. И вот уже расправив крылья, слепящее солнце, я иду по открытому замерзшему морю по направлению к Хельсинки, белое искрящееся безмолвие, поющий лед. Оставляю за спиной наши непрожитые дни, наши не выпитые ночи, нашу недосказанность и бессмысленность всего, что могло произойти или уже произошло с нами. Иду, прорубая лед, как паром, который качает тот лед, по которому я иду…

Весь мой дом умещается в маленьком рюкзаке. В проходящем поезде горят огни. Люди едут с работы домой. Я начала новую жизнь. Все деньги пропиты. Жду новый паспорт. Дрейфуем, господа. Я в новой жизни, но я все равно в состоянии ожидания.

А сегодня я зачем-то открыла шкаф подруги, у которой я временно обретаюсь, а он оказался полон сюрпризов, полон девических тайн, полон тайн ее рода. На меня буквально

дохнуло чем-то тяжелым, темным, каким-то родовым проклятьем. Старые шкатулки, статуэтки и куколки, бабушкины украшения, амулеты, мешочки с деньгами…, баночки…, коробочки… Наверное почти в каждой женщине или девушке живет ведьма.. Надо просто заглянуть в шкаф – и там можно подсмотреть все тайны ее подсознания, понять некоторые темные стороны натуры, иногда изредка проглядывающие и до этого, но не находящие объяснения до обнаружения, до их разоблачения. Как будто альтер эго оказалось вдруг пойманным на месте преступления.. Или это я была поймана на месте преступления… Эти потайные шкафчики души. Иногда в пыли, иногда в плесени, часто затхлые, непроветренные, тяжелые, несущие на себе родовое проклятие чудовищной необъяснимой не-любви. Когда мать становится мачехой…

Вторая альбионская вахта

Вторая альбионская вахта оказалась более плодотворной и успешной чем первая, а главное менее удручающей и тяжелой. Я жила на юге Англии в маленькой деревушке графства Уилтсшир, неподалеку от древнего городка Солсбери. Природа напоминала чем-то пейзажи хоббитовских деревень. В соседней деревне я нашла дерево тиса, которому было более тысячи лет, судя по табличке. Я совершала ежедневные прогулки, подставляла нос теплому февральскому солнцу и пыталась выполнять свою работу, которая не была в общем-то очень сложной. 90 летняя старушка с короткой памятью нуждалась в обычном уходе, небольшом внимании, трехразовом питании, приеме медикаментов. В ее дворе стояла кормушка для голубей. Она любила сидя в кресле смотреть в большое окно как голуби слетаются и кушают. По утрам кормушка была покрыта тонким инеем, а к полудню оттаивала. Солнце пригревало, светило в большое окно, Бетти, так звали старушку, дремала в кресле. Я убирала в доме, готовила еду и ждала когда бетти проснется и надо будет напоминать ей какой сегодня день, где она, кто я такая, и «куда все подевались»… Старость и одиночество. Мы обедали, приходила сменщица, иногда заезжали дети – их было двое, сын и дочь, но они заезжали редко, обычно раз или два в неделю. Тогда я могла идти гулять. Как я уже го-

ворила, неподалеку находился старинный городок Солсбери, знаменитый своим собором, устремляющимся в небо. И все окрестности были прекрасным местом для прогулок. Лошади, олени, много птиц. Смущало то, что все земли кому-то принадлежали, и поэтому узенькие тропки, по которым можно было безнаказанно ходить, прятались и надо было искать указатели на т.н. public paths. Олени же и птицы, странно, но они почти не боялись людей, стада оленей лежали рядом с дорогой, проезжающие машины не пугали их. Все создавало чувство какой-то тесноты и огороженности. Человека загнали в рамки жесткой дисциплины и он уже забыл о том, что за забором «дивный Новый Мир». Все дело в том, что для меня он был Новым. Всегда Новым, а для многих его просто не существовало.

Мы тепло прощались с Бетти, когда из отпуска вернулась ее постоянная сиделка. А я покинула туманный Альбион, расторгла контракт, и вернулась на свою родину, где принялась тратить заработанное…

Пересечения лиц и других берегов указывали на Большую Медведицу, которая всегда была прямо по курсу. Да, Луна с боку, Медведица прямо по курсу. Сильный мороз останавливал время. Оно тоже замерзало. Все происходило как в призрачном сне. Забывчивость, короткая память, безвременье. Маятник качался все с большей амплитудой – минусы плюсы. Кто-то умирал от холода. Люди. Кто-то погибал душой, быть может навсегда быть может безвозвратно. В этой

седой зиме. Уходят люди в никуда. И исчезают в сердце.

Корабль Nova Vita на всех парусах устремлялся к посту. Мое сердце стремилось к очистительной наковальне. Где-то справа по борту показывал свой краешек айсберг весна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.